

КУЛЬТУРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

УДК 80, 321

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПОЛИТРУК: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОЧИХ ДНЕВНИКОВ А.И. БРЕЖНЕВА

В. Дёниннгаус

Норд-Ост Институт,
Люнебург, Германия

v.doenninghaus@ikgn.de

А.И. Савин

Институт истории СО РАН,
Новосибирск, Россия

a_savin_2004@mail.ru

Т.В. Савина

Новосибирский государственный
университет экономики и управления –
«НИНХ»,
Новосибирск, Россия

t.v.savina@nsuem.ru

Статья посвящена анализу стилистических и языковых особенностей так называемых «дневников Брежнева». В рамках методологии «лингвистического поворота в истории» предпринимается попытка выявить взаимосвязь между спецификой письменной речи А.И. Брежнева и его личностью. Особое внимание уделяется верификации жанра брежневских записей, который определяется как «бортовой журнал». Анализируется характер записей, проводится их сравнение с устной речью Брежнева. По многим свидетельствам, Брежнев славился как мастерский рассказчик, т. е. он прекрасно чувствовал себя в той сфере речевой деятельности, где ценится импровизация, быстрая реакция, разнообразие эпитетов и т. д., – черты, абсолютно не свойственные общественно-политическому диалогу и штампованной публицистической лексике советских газет и речам партийно-государственной элиты. Но как только дело доходило до письменных текстов, где не было места для импровизации или шутки, речь Брежнева неузнаваемо преображалась. Даже в своих личных записях Брежнев, как правило, говорит шаблонным, ходульным языком, который он усвоил в годы своего становления, будучи партийным работником, комиссаром и политруком. Авторы приходят к выводу об усвоении А.И. Брежневым «советского новояза», который фактически стал его второй натурой. Отсутствие в личных брежневских записях следов нарочитого конструирования текста свидетельствует о том, что тексты являются действительным отражением личности генсека.

Ключевые слова: Брежнев А.И., дневники, лингвистический поворот, стилистика, советский политический язык.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.1-92-102

В течение двух последних десятилетий объединенными усилиями российских и зарубежных историков в научный оборот был введен огромный массив документальных источников по советской истории, что позволило серьезно продвинуться в изучении советского государства и общества. Одним из результатов архивной революции стало смещение центра тяжести «закрытости» архивов и секретности документальных источников от ленинско-сталинского периода к более поздним эпохам советской истории. Не будет преувеличением утверждение, что теперь в роли «самого секретного» периода, менее всего обеспеченного архивными документами высших органов власти, доступными профессиональным историкам, выступает брежневская эпоха. Так, историки всё еще лишены возможности работать с документами Политбюро ЦК КПСС за 1964–1982 гг. В этих условиях введение в научный оборот такого уникального исторического источника, как дневники, а точнее – рабочие записи Л.И. Брежнева, которые он вел с 1944 г. и вплоть до своей смерти, приобретает весомое научное значение¹.

Интерес как профессиональных историков, так и общества к дневникам политических деятелей традиционно высок. Трудно представить себе работы по истории национал-социализма без использования дневников Геббельса, а по истории сталинизма – без записей Димитрова. Спрос на «дневниковый жанр» настолько велик,

что время от времени приводит к появлению новых «песен Оссиана» – таких фальшивок, как «дневник Гитлера», выдержки из которого были обнародованы журналом «Штерн» в 1983 г., или «дневник Берии», опубликованный в России в настоящее время. В свете «новой культурной истории» и «лингвистического поворота» изучение дневниковых записей в целом стало настоящим трендом среди европейских и американских историков, прекрасным примером чего служит «историографическая» судьба дневника Степана Поддубного [11].

Исходя из этого можно утверждать, что публикация подлинных личных записей Брежнева, единственного из советских «вождей», оставившего после себя некое подобие дневника, обречена на успех. Для этого действительно есть все основания. Широко известно, что основной опубликованный массив брежневского политико-теоретического наследия, в отличие от его предшественников на посту главы партии и государства, в первую очередь Ленина и Сталина, представляет собой обезличенный плод коллективного творчества. В своих записях Брежнев говорит от первого лица и по самым разнообразным вопросам: об отношении к Китаю и военной помощи Вьетнаму, о проблеме Западного Берлина и роли Франции в НАТО, об израильско-арабском конфликте и связях с Кубой, о чехословацком «ревизионизме» и военном противостоянии СССР – США, о модернизации предприятий и проблеме выпуска товаров народного потребления, о хлебозаготовках и дефиците продовольствия, о продаже нефти и газа и выплатах долгов по Ленд-лизу, об учреждении новых наград и выезде евреев из СССР, о кадровых перестановках и праздничных юбилеях, о своих многочасовых заплывах в море и охотни-

¹ Рабочие записи Л.И. Брежнева хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории, ф. 80, оп. 1, д. 974, 975, 977–990. Отдельные листы записей также включены в состав других дел личного фонда Л.И. Брежнева. Трехтомное издание рабочих записей Л.И. Брежнева за 1944–1982 гг., а также записей секретарей приемной Брежнева вышло в свет в 2016 г.

чьих трофеях, о заказах новых костюмов и распределении подарков, о болезнях и увлечениях, о бессоннице и принятии транквилизаторов и т. д.

Уже одна только возможность вычленив «прямую речь» и настоящее мнение самого Брежнева из «брежневского наследия» говорит о необходимости изучения рабочих записей генсека. Брежневские записи могут быть использованы также для верификации огромного массива воспоминаний и мемуаров, причем главным свидетелем будет выступать сам Брежнев. Информация о том, где и в какое время он находился, чем был занят, с кем и когда встречался или говорил по телефону и т. п., позволяет дать ответ на множество вопросов, в том числе о здоровье и работоспособности генсека, круге его общения, интересах и пристрастиях, причем картина будет представлена в динамике.

И всё же главная проблема для читателя заключается в том, *как* «говорит» Брежнев на страницах своих дневников. Брежневские записи весьма специфичны, что в конечном итоге и будет определять возможности и границы их использования. Читатели, которые рассчитывают встретить на страницах брежневских дневников рефлектирующего интеллектуала, такого как Георгий Димитров, меланхоличного, но методичного наблюдателя событий, как Николай II, или обнаружить хотя бы свидетельства уровня «застольных бесед Гитлера», записанных рукой стенографиста Генри Пикера, будут разочарованы. Брежнев оставил после себя массив разрозненных, отрывочных и преимущественно коротких записей, которые иногда разделяют лакуны в несколько дней, недель или месяцев. Зачастую это только перечень фамилий или обрывки брежнев-

ских мыслей, которые плохо поддаются дешифровке. Хотя не редкостью являются короткие емкие формулировки, которые годятся на роль цитаты, но часто этим всё и ограничивается. «Цитатник» при всей его афористичности по определению не может заменить собой полноценного связанного текста. Такое чтение – отнюдь не для удовольствия.

В настоящей публикации предпринимается попытка проанализировать стилистические и языковые особенности брежневских записей, иными словами, ответить на вопросы, как написан данный источник и почему он создан именно в таком виде, чтобы определить взаимосвязь между письменной речью и личностью Брежнева, исходя из того что, по мысли М.М. Бахтина, языковые и стилистические особенности являются отражением индивидуальности говорящего (или, как в нашем случае, пишущего) субъекта [2, с. 159–206].

Степень специфичности текста такова, что даже простая задача – определить жанр записей Брежнева – вызывает значительные трудности. Очевидно, что «дневником» в классическом понимании эти записи можно считать лишь весьма условно: в них отсутствует глубокий самоанализ, экспрессивность, интимность переживаемых чувств или событий. Практически нет записей, фиксирующих важные события личной жизни Брежнева или его близких, такие как дни рождения, свадьбы детей, рождение внуков и т. п. Но главная особенность заключается в том, что имеющиеся записи не выполняют функцию организации личного опыта и многократного повторного обращения к записанному, в том числе с целью рефлексии и саморефлексии. У нас нет пока оснований считать, что Брежнев позднее вновь обращался к своим записям, перечитывал их.

Это предположение подтверждается тем, что записи велись на страницах случайных бумажных «носителей», как правило, первых подвернувшихся под руку блокнотов, выдававшихся участникам партийных мероприятий. Возможно, некая тетрадь или ежедневник упорядочили бы записи, условно говоря, заставили бы Брежнева поступать согласно законам жанра, но, по-видимому, сама цель записей не предполагала многократного обращения.

Это также не рабочий дневник, т. е. «ежедневник», поскольку нет характерного для этого жанра элементов планирования, системы, подведения итогов сделанного, когда, например, выполненный пункт вычеркивается, помечается галочкой, представлены даты, время встреч и т. д. Нельзя также говорить о жанре рабочих записей в общепринятом смысле, т. е. о планах, тезисах, выписках, конспектах, поскольку отсутствует конечная цель такого рода записей в виде фиксации анализа информации.

Возможный ключ к пониманию брежневского текста дают его стилистические особенности. Брежневским записям свойственны, во-первых, стандартные партийно-бюрократические формулировки и штампы: «братские партии», «провести президиум для обмена мнениями», «внести предложение», «приступить к докладам», «я не взвесил всех своих возможностей», «важный инструмент международной политики» и т. п.

Во-вторых, ему присущи в огромном количестве как синтаксические, так и семантические плеоназмы типа «помощь народам, борющимся за свою независимость и свободу». Речевая избыточность проявляется также в замене глаголов причастиями, деепричастиями и существительными.

Текст записей перегружен канцеляризмом и ходульными партийно-бюрократическими штампами: «Наш ЦК неуклонно будет проводить линию строить свою работу на выполнение наших планов по созданию материально-технической базы коммунизма и поднятия жизненного уровня нашего народа», «идет реализация решений», «имел встречу» и т. п.

Еще одной яркой стилистической особенностью текста является частое отсутствие личного местоимения «я» и замена его местоимением «мы» либо безличными и неопределенно-личными предложениями, что характерно для советских газетных передовиц, так называемых неподписанных статей, в которых выражалось «мнение редакции». «Мы», как правило, преобладает в двух значениях: «мы» – руководящий партийно-государственный аппарат и «мы» как «он» или «они» – те, чью речь в данном случае конспектирует Брежнев. Последнее особенно ярко проявляется при конспектировании Брежневым его встреч с зарубежными государственными деятелями, где «мы» вводит читателя в заблуждение и зачастую с трудом можно понять, о ком же идет речь.

Стоит также отметить упрощенную грамматику и пунктуацию записей, хотя упрощенная или авторская пунктуация также свойственна и классическим дневникам. Брежневу с трудом давались иностранные слова, которые он часто пишет как слышит, с ошибками: «сиппознум», «под игидой», «кондоминуум». То же самое происходит с иностранными фамилиями (например, в дневниках приводится несколько вариантов написания фамилии американского президента Генри Киссинджера и страны Бангладеш). Однако в целом мы наблюдаем грамотное письмо, без вопиющих грам-

матических ошибок, что свидетельствует о привычке к письменной речи совершенно определенного рода.

Практически забытый сегодня талантливый советский писатель Илья Зверев еще в 1963 г. написал повесть «Она и он» о любви, вспыхнувшей в конце 1950-х гг. между бригадиром виноградарей и парторгом совхоза. Сюжет высмеян еще Ильфом и Петровым: любовь в производственных или партийных декорациях, однако не сюжет является определяющим для этого произведения Зверева. Virtuозно написанный текст стилистически построен на использовании идеологических клише, бытовавших в советских газетах и прочно вошедших в речевой обиход «трудящихся». В обыденной жизни герои повести говорят, используя диалектизмы и украинизмы, свойственные южнорусской речи, но как только дело доходит до «государственных соображений», а повесть изобилует «производственными конфликтами», намеренная стилистическая напряженность текста становится очевидной. Вот как Зверев описывает прием главной героини в партию: «Рая очень волновалась, что вот такая ей оказана честь. Она сказала, как в брошюре, по которой готовилась: “Я буду нести высоко и хранить в чистоте”». Здесь можно наблюдать весьма характерное для советских штампов отсутствие прямого дополнения у переходных глаголов. В данном конкретном контексте мы имеем дело с устойчивыми вербальными формами, в которых реализуются ассоциативные пары: «нести высоко» можно только зная (труда, коммунизма или коммунистического труда), а «хранить в чистоте», соответственно, честь или совесть. При этом такая усеченная речь понятна всем окружающим: «Правильно, – сказал парторг Емченко. – Молодец, Раиса...» [7, с.

19]. Тем поразительнее контраст, когда звучит живая речь героев, свободная от рамок «служебного положения»: «Все бы так горели до дела, как эта Рая», – говорит тот же парторг в разговоре за пределами кабинета.

Чем ниже образовательный ценз героев повести, тем чаще они прибегают к клишированной речи, которая помогает им точнее выразить мысль, поскольку такая речь избавляет от необходимости формулировать мысль самим, ведь все уже сказано до них. Как говорит главный герой-парторг, «Я читаю материалы и знаю» [7]. В заявлениях такого рода нет иронии, нет второго или третьего слоя; Зверев записывал, что называется, на слух, но тем отчетливее видна наивная вера главной героини в печатное слово советского «новояза».

С Брежневым-«писателем» происходит та же метаморфоза, что и с героями повести Зверева. По многим свидетельствам, Брежнев славился как мастерский рассказчик, т. е. он прекрасно чувствовал себя в той сфере речевой деятельности, где ценится импровизация, быстрая реакция, разнообразие эпитетов и т. д., – черты, абсолютно не свойственные общественно-политическому диалогу и штампованной публицистической лексике советских газет и речам партийно-государственной элиты. В.А. Голиков, проработавший более четверти века помощником Брежнева, весьма высоко отзывался об ораторских способностях своего шефа: «Надо сказать, у Брежнева было много хороших черт. Он нравился работникам аппарата – был корректным, голоса не повышал. Ну и выступал здорово. “Это же Киров!” – говорили работники ЦК между собой» [3].

Вот лишь два образчика устных выступлений Брежнева. Первый – это выдержка стенограммы выступления Л.И. Бреж-

нева на совещании руководящего состава Вооруженных Сил СССР 25 апреля 1972 г. Брежнев явно говорит без бумажки, свободно импровизируя. Несколько раз упоминает бога («дай бог», «не дай бог») и чувствует необходимость объяснить это слушателям: «Все вы знаете, что я был, наверное, безбожник от рождения, раз уж я в комсомол пошел в 20-е годы, то уж наверное богохулил, вот. Но, тем не менее, как-то человек уж так устроен, иногда нет-нет кошка дорогу перебежит. Думаешь, черт ее знает, зачем она мне перебежала. Баба с пустыми ведрами перешла дорогу, а я в это время с [маршалом] Гречкой иду с ружьем в надежде, что я кабанчика подстрелю. Думаешь, черт, баба перешла дорогу, наверное, ничего не убью. Так и это. Говорят, [текущий год] это високосный год. Нет, что-то начинаешь думать, почему все-таки високосный? А потом вы знаете, что посмотрел я вот эти последние десять лет, нет двенадцать, было три високосных года и все как раз очень неудачные в сфере сельского хозяйства. И думаю: тьфу, черт, отгоняю, а оно лезет» [9]. Недобрые предчувствия Брежнева подтвердились: осенью 1972 г. в СССР разразилась беспрецедентная засуха, которую сам же Брежнев охарактеризовал позднее как стихийное бедствие общегосударственного масштаба. Так что после этого его вера (или суеверие) наверняка только укрепились.

Следующий весьма показательный пример. В том же 1972 г. Брежнев выступал 27 августа на пленуме Алтайского крайкома КПСС. Значительное внимание он уделил своему коньку – внешней политике. В частности, он заявил: «Я скажу несколько теплых слов в адрес нашей внешней политики. Встреча с Помпиду, прием Генерального секретаря как главы государ-

ства со всеми почестями. Еду в автомобиле, вы видели картину, что эскорт впереди и эскорт сзади. Жандармы козыряют. Господин Брандт, руководитель бывшей великой Германии, хочет беседовать с Генеральным секретарем, подписывать все документы, иметь переписку. Господин Никсон хочет встречаться с Генеральным секретарем, приглашает к себе. [...] Это значит, они признают нашу партию как такую общественно-политическую силу, с которой надо считаться, надо разговаривать, и разговаривать вежливо. [...] Он [посол в США Добрынин] был принят Никсоном на квартире, на даче где-то. Вот он пишет мне, что Никсон водил его по даче и говорил: “Здесь спальня. Здесь будет жить господин Брежнев. Это вот мой кабинет. Здесь мы будем беседовать с господином Брежневым” [...] Он готов сейчас все на карту поставить, лишь бы быть на второй срок президентом [...] и негласно хотел бы какой-то поддержки в этом вопросе» [9]. Следующий пассаж из этого же выступления Брежнева еще больше подчеркивает «неофициальность» его речи от первого лица: «Должен вам здесь доверительно сказать. Просьба такая, товарищи, к вам. Я видите, говорю свободно, без всякого текста, это не какой-то доклад, а отчет деятельности. Поэтому ни местная печать, пожалуйста, ни вы не бравировать моими словами. Пользуйтесь сами, это лучший способ, потому что попадет какому-то корреспонденту иностранному, извратят, и иногда это приносит вред» [9].

Весьма существенным, на наш взгляд, является то, что при устной коммуникации мимика, голос, интонации, жесты зачастую важнее, чем выбор слов и построение предложений, и могут весьма красноречиво характеризовать рассказчика. Но как только

дело доходило до письма или чтения письменных текстов, где не было места для импровизации или шутки, речь Брежнева неизменно преображалась. Даже в своих личных записях Брежнев, как правило, говорит шаблонным, ходульным языком, который он усвоил в годы своего становления, будучи партийным работником, комиссаром и политруком. Вот один из образчиков записей, будто бы полностью скопированный из передовицы «Правды»: «Политическая обстановка в стране и партии – хорошие. Хорошо восприняты – решения съезда и Майского Пленума ЦК, создана обстановка, спокойной деловой обстановки и трудового подъема, еще больше возрос авторитет партии и единство народа с партией и правительством. Выборы в Верховный Совет – прошли по своим итогам – выше всех предшествующих выборов» [4, с. 147]. Характерно, что даже имена собственные никогда не употребляются Брежневым без слова «товарищ» или сокращенного «тов.», в том числе и в отношении представителей «капиталистов» («как фамилия товарища, сидящего справа от Кисинжера?») [Там же, с. 524].

Следует также отметить эклектичный характер записей Брежнева, которые условно можно разделить на три части: записи конспективного характера, пометки в стиле «держу руку на пульсе» и памятки преимущественно личного характера.

Конспективный стиль характеризует записи середины 1960-х – середины 1970-х годов, когда Брежнев был еще политически активен и относительно здоров. Конспектам Брежнева свойственна синхронность в прямом смысле: несмотря на наличие секретарей и стенографистов, генсек зачастую создавал собственной рукой обширные тексты, буквально записывая слова

своего собеседника в формате конспекта (здесь зачастую присутствует разделение на пункты, ключевые предложения, резюме), но, как правило, без собственной оценки. Можно предположить, что такого рода конспекты служили Брежневу не столько для памяти, сколько как специфический способ усвоения и анализа информации. Вероятно, в этом заключалась его «политическая кухня»: в процессе собственноручной записи происходило осмысление записанного, так ему было комфортно.

Тем не менее время от времени можно обнаружить письменные следы брежневской рефлексии. Зачастую это рефлексия «первого уровня» – она ограничена кругом личного, непосредственного общения Брежнева. Он, как правило, не рассуждает об отвлеченных вещах, это для него тяжелая работа. Не случайно 16 марта 1973 г. Брежнев с подкупающей искренностью зафиксировал в своем «дневнике»: «много сложного – приходится думать и сидеть» [Там же, с. 553]. Но встречаются и исключения. Так, 6 октября 1972 г. он пишет на даче в Завидово: «Как бы Указ – о евреях не отменять, а де фактом не применять» [Там же, с. 532]. В этой косноязычной записи заключена блестящая брежневская идея, с помощью которой он надеялся решить конфликт с США, возникший вокруг вопроса свободы эмиграции из СССР еврейского населения. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1972 г., евреи, выезжавшие из СССР на постоянное жительство за границу, должны были возместить государственные затраты на их обучение, так называемый «еврейский налог». Эта идея Брежнева – указ не отменять, но фактически не применять – определила всю специфическую линию

поведения властей в ходе конфликта и позволила советской стороне пойти на значительные уступки, сохранив при этом лицо. К сожалению, советская бюрократическая машина сработала тогда с опозданием, сенатор Джексон сыграл на опережение и успел внести в сенат знаменитую поправку Джексона–Веника о санкциях в отношении СССР [10, с. 19–44].

Львиная доля брежневских записей принадлежит пометкам в стиле «держу руку на пульсе», иногда напоминающим жанр любимой брежневской новостной программы советского телевидения – программы «Время». Они объединены одной общей темой: «как живет страна», и сопровождаются, особенно в последние годы жизни Брежнева, рутинными рефренами «настроение у народа хорошее» и «всё хорошо». Кроме того, к ним относится большой кадровый «пасьянс», постоянно раскладывавшийся генсеком. Записи Брежнева – это в первую очередь тысячи фамилий представителей партийно-советской элиты высшего и среднего эшелонов СССР и социалистических стран, его кадровой опоры и «гвардии».

Что касается записей типа «памяток», носящих сугубо личный характер, то их количество нарастает к концу жизни Брежнева. Записи конца 1970-х – начала 1980-х свидетельствуют о постепенном затухании его интереса к политическим и экономическим вопросам, зато именно в записях о здоровье, деньгах, наградах, подарках и т. п. наиболее ярко вырисовывается личность стареющего Брежнева.

Первый вывод, который, с нашей точки зрения, позволяет сделать анализ стилистики и языка брежневских записей, заключается в том, что Брежнев до конца своей жизни оставался по своей сути политиче-

ским работником. Перед нами записи бывшего политрука, которого не научили иначе писать, а зачастую и мыслить. Когда дело доходит до официоза, ему всегда проще сказать штампом, чем что-то «придумывать». Один из самых ярких примеров – запись беседы с Ким Ир Сенем от 7–8 декабря 1966 г.: «Давайте их не трогать по культур[ной] революции – пусть сами дерутся – а мы будем нести знамя марксизма-ленинизма» [4, с. 168, 169]. Сочетание разговорного оборота «сами дерутся» и официальной формулы «нести знамя марксизма-ленинизма» дает интересный эффект: живая непосредственная реакция тут же заслоняется мертвенным официозом.

Советский политический язык навсегда стал второй натурой Брежнева. Стивен Коткин в свое время назвал этот навык говорить на языке власти умением «говорить по-большевистски» [8, с. 250–328]. Причем необходимо подчеркнуть: пишущий Брежнев – это именно политрук, созревший плод советской бюрократии и идеологии, а не романтический «комиссар в пыльном плаще» из знаменитой песни Булата Окуджавы. Биографам Брежнева необходимо обратить пристальное внимание на период жизни генсека, связанный с армией. Именно там Брежнев сформировался как политик, именно там сложилась личность, которая предстает на страницах его рабочих записей.

Второй вывод на первый взгляд звучит парадоксально: брежневские записи – это записи человека, который прекрасно знал себя и трезво оценивал свой уровень, свой потенциал, свои средние способности, свои слабости, но в то же время знал и свои сильные стороны. Эти тексты ориентированы полностью вовнутрь, в них нет «красивостей», нет самолюбования. Бреж-

нев не «kozyряет», не пытается никому пустить пыль в глаза, здесь нет даже тени попытки нарочитого конструирования текста. Иными словами, в записях нет ничего искусственно привнесенного: шаблоны советского новояза – это действительное отражение его личности. Брежнев честен с собой. Этот вывод крайне важен для интерпретации брежневских записей, им можно верить.

Казалось бы, этот вывод о «честности» противоречит пресловутому брежневскому тщеславию, которое в первую очередь выражалось в любви к разного рода наградам. Действительно, в записях «позднего» Брежнева читатель найдет целый букет выдающихся образчиков гипертрофированного честолюбия генсека. Например, 10 мая 1978 г. он с глубочайшим удовлетворением констатировал: «Долгих² [рассказывал] о поездке в Испанию – Куньял³ передавал горячие приветы – при упоминании моего имени – все встают. Хотят издать на своем языке [мою] книжку – “Малая Земля”» [4, с. 909]. Но здесь очень важно понять, почему Брежнев принимает всё это за чистую монету, без тени иронии. Еще в свою бытность председателем Верховного Совета СССР Брежнев любил повторять советским журналистам: «Поскромнее, поскромнее, я не лидер, я не вождь» [5], а будучи генсеком, призывал своих референтов поменьше цитировать в его речах Маркса, так как «никто не поверит, что Брежнев читал Маркса» [1, с. 282]. Однако во второй половине 1970-х годов Брежнев, очевидно, решил для себя, что по совокупности сделанного он сравнялся со своими предшественниками и достоин максимально-

² Долгих Владимир Иванович, секретарь ЦК КПСС в 1972–1988 гг.

³ Куньял Альвару, генеральный секретарь КП Португалии в 1961–1992 гг.

го почета и уважения. Как заявил генеральный секретарь на встрече с однополчанами 9 мая 1976 г., после присвоения ему маршальского звания он до маршала «дослужился» [6, с. 127–149]. В этом «дослужился» – ключ к пониманию старческого брежневского тщеславия. Недаром он с таким удовольствием записал слова начальника отдела наград Президиума Верховного Совета СССР А.Н. Копенкина: «10 Мая 1976 г. Вручение большой маршальской Звезды. Говорил с тов. Копенкиным А.Н. – он сказал: голос офицера слышал, голос генерала слышал – а теперь рад, что слышу голос маршала» [4, с. 625].

Таким образом, рабочие записи, которые, наверное, правильнее было бы назвать «бортовым журналом» Брежнева, свидетельствуют, что по сравнению со своими предшественниками – Лениным, Сталиным, Хрущевым – Брежнев был в гораздо большей степени бюрократом, чем идеологом, эпигоном, чем теоретиком, политруком, чем революционером, тщеславным в жизни, но не в своих собственных текстах.

Литература

1. Арбатов Г. Из недавнего прошлого // Знамя. – 1990. – № 10. – С. 203.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – М.: Русские словари, 1997. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов.
3. Болдин В., Голиков В. Генсек Брежнев // Завтра. – 2002. – 26 ноября (№ 48 (471)).
4. Брежнев А.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. Рабочие и дневниковые записи, 1964–1982. – М.: ИстЛит, 2016. – 1264 с.
5. Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них... – М.: Политиздат, 1990. – С. 282.
6. Дёнингхаус В., Савин А.И. «Смотришь, и Мане и Тане какой-то “Знак Почета” попадает...». Брежневская «индустрия» награждений и

советское общество // Российская история. – 2014. – № 2. – С. 127–149.

7. Зверев И.Ю. Она и он // Зверев И.Ю. Защитник Седов. – М., 1990. – С. 19.

8. Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: антология. – Самара: Самарский университет, 2001.

9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 80.

10. *Döenninghaus V., Savin A.* “Don’t Be Seen Repealing the Decree on the Jews – Just Don’t Enforce It”. L.I. Brezhnev, Détente, and Jewish Emigration from the USSR // *Russian Studies in History*. – 2014. – Vol. 52, N 4. – P. 19–44.

11. *Tagebuch aus Moskau 1931–1939* / hrsg. von J. Hellbeck. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1996.

THE GENERAL POLITICAL COMISSAR: LANGUAGE FEATURES OF LEONID BREZHNEV’S WORK DIARIES

V. Doenninghaus

Nordost-Institute,
Lüneburg, Germany

v.doenninghaus@ikgn.de

A.I. Savin

Institute of History SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

a_savin_2004@mail.ru

T.V. Savina

Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk, Russian Federation

t.v.savina@nsuem.ru

The article analyzes the stylistic and linguistic features of the so-called “Brezhnev’s diaries”. Within the framework of the “linguistic turn in the history” methodology, it attempts to identify the relationship between the specificity of Brezhnev’s writing and his personality. The authors pay special attention to the verification of the Brezhnev’s records genre which is defined as a “log book”. The article analyzes the nature of the records in comparison with Brezhnev’s speaking. Brezhnev was known as a skillful, spontaneous storyteller, he had a quick reaction, a multiple choice of epithets – features, alien to the standardized, public-political vocabulary of Soviet newspapers and public speeches of party and state leaders. It was the other way round with written speech. It was totally different. There was no place for jokes and improvisation. Even in his personal diaries he used the standardized, stilted language, which he used to speak working as a party leader, commissar. The authors come to the conclusion that Brezhnev acquired the “Soviet newspeak”, which actually became his second nature. The absence of any signs of deliberate design of the text in Brezhnev’s personal records indicates that the text is really a reflection of the personality of the General Secretary.

Keywords: Leonid Brezhnev, diaries, linguistic turn, the Soviet political language.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.1-92-102

References

1. Arbatov G. Iz nedavnego proshlogo [From the recent past]. *Znamya – The Banner*, 1990, no. 10, p. 203.
2. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [Problems of speech genres]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5.
3. Boldin V., Golikov V. Gensek Brezhnev [The General Secretary Brezhnev]. *Zavtra – Tomorrow*, 2002, 26 November, no. 48 (471).
4. Brezhnev L.I. *Rabochie i dnevnikiye zapisi*. T. 1. *Rabochie i dnevnikiye zapisi, 1964–1982* [Work and diary notes. Vol. 1. 1964–1982]. Moscow, IstLit Publ., 2016. 1264 p.
5. Burlatskii F.M. *Vozhdi i sovetniki: o Khrushcheve, Andropove i ne tol'ko o nikh...* [The leaders and advisors: about Chruschov, Andropov and not only...]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, p. 282.
6. Denninghaus V., Savin A. “Smotrish’, i Mane i Tane kakoi-to “Znak Pocheta” popadaet...”. Brezhnevskaya «industriya» nagrazhdenii i sovetskoe obshchestvo [“Now and then, a Sign of merit comes Mania’s and Tania’s way”: Brezhnev’s “industry” of rewards and the Soviet society]. *Rossiiskaya istoriya – Russian History*, 2014, no. 2, pp. 127–149.
7. Zverev I.Yu. Ona i on [She and he]. Zverev I. Yu. *Zashchitnik Sedov* [The advocate Sedov]. Moscow, 1990.
8. Kotkin S. Govorit’ po-bol’shevistski (iz kn. «Magnitnaya gora: stalinizm kak tsivilizatsiya») [Talking like the bolshevik (from the book “Magnetic mountain: Stalinism as a civilization”). *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: antologiya* [American Russian Studies: milestones of historiography in recent years. The Soviet period: anthology]. Samara, Samara University Publ., 2001. (In Russian)
9. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* (RGANI) [Russian State Archive of Contemporary History]. F. 80.
10. Döenninghaus V., Savin A. “Don’t Be Seen Repealing the Decree on the Jews – Just Don’t Enforce It”. L.I. Brezhnev, Détente, and Jewish Emigration from the USSR. *Russian Studies in History*, 2014, vol. 52, no. 4, pp. 19–44.
11. Hellbeck J., ed. *Tagebuch aus Moskau 1931–1939*. München, Deutscher Taschenbuchverlag, 1996.